

Се Лянь так и застыл на месте. Наблюдая, как высокий и стройный юноша помогает ему нести огромный мешок рухляди, оставаясь при этом в абсолютном спокойствии, в душе Се Лянь прямо-таки взмолился о прощении за подобное проявление неуважения. Сань Лан уже отошёл от повозки на несколько шагов, когда Се Лянь всё же решил направиться следом, но внезапно вспомнил о старом погонщике, по-прежнему лежащем на телеге без сознания. Принц немедленно вернулся, коснулся точки на теле старика, чтобы разбудить беднягу, и настойчиво попросил ни в коем случае никому не рассказывать о том, что случилось с ними этой ночью. Старик, памятуя об увиденных своими глазами способностях Се Ляня, конечно, быстро закивал, не смея перечить просьбе, затем поспешил домой вместе со своей коровой.

Се Лянь забрал из телеги свёрнутую циновку, забросил её на спину и, обернувшись, увидел, как Сань Лан, одной рукой неся мешок с рухлядью и всяким скарбом, беззаботно поднимается на холм.

Оказавшись перед покосившимся строением монастыря Водных каштанов, Сань Лан опустил взгляд и прыснул со смеху, как будто увидел что-то крайне забавное. Се Лянь, приблизившись и заметив, что юноша изучает объявление об обветшалом состоянии монастыря и просьбе о посильном подаении, тихо кашлянул и произнёс:

— Вот видишь, всё именно так. Поэтому я и сказал, что ты, возможно, не захочешь здесь жить.

Сань Лан ответил:

— Сойдёт.

В прошлом именно Се Ляню приходилось отвечать людям «неплохо, вполне сойдёт», сегодня же он впервые услышал, как кто-то сказал подобную фразу ему, и ощущения от услышанного оказались невероятно трудно описать. Прежняя деревянная дверь сгнила, и Се Лянь снял её с петель, заменив простой бамбуковой занавеской, приоткрыв которую, обратился к Сань Лану:

— Заходи.

Сань Лан последовал за ним в домик.

Всё внутреннее убранство можно было рассмотреть с одного взгляда: здесь стоял лишь прямоугольный стол для подношений, два маленьких деревянных табурета, круглая подстилка из тростника да ящик для сбора пожертвований. Се Лянь взял мешок из рук Сань Лана и разложил на столе для подношений стаканчик для гаданий, курильницу для благовоний, бумагу, кисть для каллиграфии и ещё кое-какие мелочи. Затем зажёл красную свечу, которую принцу во время собирания мусора в посёлке сунули в руки добрые люди — и домик изнутри озарился тусклым светом. Сань Лан от нечего делать взял со столика стаканчик для гаданий, потряс его в руке, поставил обратно и поинтересовался:

— Итак, а есть ли у тебя кровать?

Се Лянь повернулся к нему, молча развернул циновку, которую нёс на спине, и указал юноше на неё.

Сань Лан вскинул бровь.

— Только одна, да?

Се Лянь встретил юношу уже по пути обратно, разумеется, он не мог заранее предугадать, что

надо бы купить ещё одну циновку. Принц произнёс:

— Если ты не против, сегодня мы можем потесниться на одной.

Сань Лан ответил:

— Можно.

Се Лянь взял метлу и снова принялся подметать пол. Сань Лан тем временем, осмотревшись вокруг, спросил:

— Даочжан гэгэ, тебе не кажется, что в твоём монастыре кое-чего не хватает?

Се Лянь, как раз закончив подметать, присел на корточки, чтобы расстелить циновку. Услышав вопрос, он ответил, не отрываясь от процесса:

— Я думаю, что не хватает лишь прихожан, стало быть, остальное на месте.

Сань Лан тоже присел на корточки, подпёр щеку ладонью и спросил:

— А как насчет статуи божества?

Стоило ему напомнить, как Се Ляня моментально осенило: он и впрямь совершенно позабыл о самом главном — о статуе божества!

А какой же монастырь без статуи? Его и монастырём не назовёшь. Несмотря на то, что божество самолично присутствовало в нём, всё же принц не мог каждодневно сидеть перед алтарём и принимать подношения.

Поразмыслив с минуту, Се Лянь нашёл выход из положения.

— Сегодня я купил бумагу и кисть, а завтра нарисую образ божества и повешу его над алтарём.

Если весть о том, что он написал свой портрет и вывесил в своём же монастыре, достигнет Небесных чертогов, скорее всего, над принцем будут смеяться ещё лет десять. Но чтобы вырезать настоящую статую, нужны и денежные, и временные затраты, так что, обдумав оба варианта, Се Лянь решил, что лучше пусть над ним смеются десять лет.

К его полнейшей неожиданности, Сань Лан заявил:

— Рисовать? Я умею. Помочь тебе?

Се Лянь сначала замер, но потом рассмеялся:

— Что ж, в таком случае, заранее благодарю тебя. Вот только, боюсь, что ты не сумеешь нарисовать наследного принца Сяньлэ.

В конце концов, почти все его портреты подверглись сожжению восемьсот лет тому назад, и сколько бы из них ни дожили до сегодняшнего дня, наверняка тех людей, кто видел эти портреты, можно было сосчитать по пальцам. Сань Лан, однако, возразил:

— Конечно, я сумею. Мы ведь только что в телеге как раз заговорили о Его Высочестве наследном принце, разве нет?

Се Лянь вспомнил. Действительно, в дороге на его фразу «Ты, наверное, о нём и не слышал» юноша так ничего и не ответил. А теперь его слова изрядно удивили принца. Он закончил стелить циновку, выпрямился и спросил:

— Неужели, Сань Лан, ты и правда знаешь о нём?

Сань Лан уселся на расстеленную циновку.

— Знаю.

То выражение и манера, с которой звучал ответ, показались Се Ляню весьма любопытными. Юноша часто улыбался, но всегда было трудно определить, что скрывалось за его улыбкой: веселье или же насмешка над не слишком умным собеседником. Пока они ехали в деревню, Се Лянь слушал рассказы юноши обо всём на свете, и сейчас принца заинтересовало, какую оценку Сань Лан даст ему самому. Так что он тоже уселся рядом на циновку и спросил:

— И что же ты думаешь о наследном принце Сяньлэ?

Они переглянулись в тусклом свете красной свечи, пламя слегка дрогнуло. Сань Лан сидел спиной к свету, его черные глаза потонули во мраке, не представлялось возможным разглядеть, что отражается в них. Некоторое время спустя раздался его голос:

— Мне кажется, Цзюнь У просто ненавидит его.

Се Лянь подобного ответа не ожидал, и потому задумался, прежде чем спросить:

— И почему же тебе так кажется?

Сань Лан продолжил:

— Иначе зачем он дважды изгнал принца с Небес?

Услышав вопрос, Се Лянь мягко улыбнулся, а про себя подумал: «Всё-таки он мыслит ещё как ребенок».

Он опустил голову и произнёс, одновременно развязывая пояс на одеянии:

— Это никак не связано с наличием или же отсутствием ненависти. Многие вещи в мире нельзя объяснить просто с точки зрения неприязни или же симпатии.

Сань Лан сказал лишь:

— Оу.

Повернувшись, чтобы снять белые монашеские сапоги, Се Лянь добавил:

— Кроме того, совершив ошибку, нужно принять наказание. Владыка всего лишь оба раза добросовестно исполнил свой долг, вот и всё.

Сань Лан ушел от спора, ответив:

— Может и так.

Се Лянь снял одежду и аккуратно сложил её на столе для подношений. Принц собирался было

сказать ещё что-то, однако обернувшись, увидел, что взгляд Сань Лана направлен на его ногу.

И взгляд этот казался весьма странным: можно назвать его ледяным, да только недолго и ошпариться; можно назвать его пылающим, но внутри всё же скрывался холод. Се Лянь, опустив голову, всё понял. Юноша смотрел не на что иное, как на чёрную проклятую кангу на его правой лодыжке.

Первая проклятая канга крепко опоясывала его шею, вторая плотно обнимала ногу. Как ни посмотри, обе располагались на не совсем привычных местах, да к тому же их нельзя было скрыть. Раньше, если кто-то спрашивал Се Ляня об этом, он наобум отвечал, что того требуют его тренировки в самосовершенствовании, но если сейчас об обручах спросит Сань Лан, наверняка будет не так просто придумать ответ.

Однако, вопреки ожиданиям, Сань Лан лишь некоторое время посмотрел на его ногу, но говорить ничего не стал. Се Лянь также решил не заострять на этом внимания и лёг на циновку. Юноша смирно улёгся рядом, прямо в одежде: судя по всему, не привык спать на полу раздетым. Се Лянь подумал, что всё-таки стоит где-то раздобыть кровать, а вслух сказал:

— Отдыхай.

Лёгким выдохом он погасил пламя красной свечи.

На рассвете следующего дня, когда Се Лянь открыл глаза, Сань Лана рядом не оказалось. А когда он поднял взгляд, сердце его дрогнуло. Над столом для подношений уже висел портрет.

А на портрете красовался юноша в парадном одеянии, с золотой маской на лице, в одной руке он держал меч, в другой — цветок. Стиль рисунка был непревзойдённо хорош, краски утончёнными и притягивающими взгляд. То был истинный портрет «Наследного принца Сяньлэ под маской Бога».

Се Лянь уже много лет не видел подобных картин, а взглянув на эту, долго не мог пошевелиться. Лишь спустя какое-то время он поднялся, надел монашеские одежды и поднял занавеску в монастырь. Сань Лан стоял снаружи, спрятавшись в тени и откинувшись назад, поигрывая метлой в руках и глядя на небо, словно мучаясь от безделья.

Кажется, юноша действительно не слишком любил солнечный свет. Он глядел вверх с таким выражением лица, словно обдумывал способ сбить солнце с неба и растоптать ненавистный шар, чтобы от него остался лишь сноп сияющих искр. Снаружи высилась куча опавших листьев, которые уже были сметены в сторону. Се Лянь, выйдя за порог, спросил:

— Как тебе спалось прошлой ночью?

Сань Лан, всё так же опираясь на стену, повернулся к нему и ответил:

— Неплохо.

Се Лянь подошёл, взял метлу из его рук и задал ещё вопрос:

— Сань Лан, портрет на стене монастыря, его ты нарисовал?

Сань Лан ответил лишь:

— Гм.

Се Лянь похвалил его:

— Отличная работа.

Уголки рта юноши на миг приподнялись, однако он ничего не сказал в ответ.

Возможно, потому, что вчера ночью он беспокойно спал, сегодня его волосы выглядели ещё более растрёпанными. Пряди торчали во все стороны, крайне небрежно, но по правде говоря, также и крайне симпатично: свободно, но не беспорядочно, с ноткой лукавости. Се Лянь спросил, указав на свои волосы:

— Может быть, я помогу тебе?

Сань Лан кивнул и направился за Се Лянем в монастырь. А когда уселся, принц распустил его волосы и, взяв чёрные пряди в руки, начал с преспокойным видом внимательно рассматривать их.

Пускай даже линии на ладонях и пальцах юноши были идеальными, не придраться, но всё-таки перекинувшаяся в человека нечисть всегда в чём-то, да допустит ошибку. Волосы живого человека невозможно сосчитать, но при этом каждый волосок отдельный, разглядеть его можно очень чётко. А что касается демонов, многие надевали на себя фальшивую телесную оболочку, волосы которой выглядели либо цельным чёрным облаком, либо склеенными вместе, словно тканые лоскуты, либо... волосы и вовсе не росли на их головах.

Вчера вечером Се Лянь убедился, что линии на руках и пальцах юноши на месте, и на этом принцу бы успокоиться, однако, увидев портрет, нарисованный утром, он вновь не смог удержаться от смутных подозрений.

Разве обычный человек мог бы нарисовать подобную картину?

Пальцы его мягко скользили по волосам юноши, медленно перебирая пряди и пытаясь разглядеть недочёты, однако волосы Сань Лана оказались натуральными, очевидно, без каких-либо странностей. Спустя некоторое время, возможно, от того, что Сань Лану стало щекотно от поглаживаний принца, он хохотнул, склонил голову, искоса глядя на Се Ляня, и спросил:

— Гэгэ, ты помогаешь мне причесаться или хочешь сделать что-то другое?

С распущенными волосами юноша выглядел ослепительно прекрасно, без изъяна, даже прибавилось очарования. Его вопрос звучал насмешливо, на что Се Лянь с улыбкой ответил:

— Уже всё, — и быстро собрал волосы юноши в пучок.

Вот только, когда утренний туалет в исполнении принца был завершён, Сань Лан посмотрел в отражение в тазу с водой, затем обернулся к Се Ляню и приподнял бровь. Принц же, поглядев на него, лишь тихонько кашлянул.

Только что причёска Сань Лана выглядела кривой, а теперь, когда Се Лянь причёсал его, она по-прежнему осталась кривой.

И хотя Сань Лан ничего не говорил, а лишь смотрел на него, Се Ляню показалось, что он не смущался вот так уже как минимум несколько сотен лет. Только принц собирался опустить руки и сказать «подойди, давай попробуем ещё раз», как снаружи раздался многоголосый галдёж, следом за топотом стали слышны отчётливые крики:

— Святой!!!

Се Лянь, услышав подобное, удивлённо выбежал на улицу и увидел толпу, окружившую монастырь: каждый выглядел взволнованным, лица их покраснели, а староста деревни, который всех и привёл, одним прыжком оказался подле Се Ляня, схватил того за руку и принялся восклицать:

— Святой! В нашей деревушке наконец-то появился настоящий святой с небес! Поистине, прекрасное событие!!!

Се Лянь:

— ???

Остальные жители деревни окружили их и заголосили:

— Святой, добро пожаловать в нашу деревню Водных каштанов! Живи на здоровье!

— Святой! Ты можешь ниспослать мне благословение на поиски жены?!

— Святой! А можешь благословить, чтобы в моём доме поскорее родился ребенок?!

— Святой! Я принёс тебе свежих водяных каштанов! Хочешь поесть?! А заодно благослови меня на сбор богатого урожая в этом году, идёт?!

Деревенские жители оказались слишком гостеприимными. Се Лянь, осаждённый ими со всех сторон, непрерывно отступал назад, про себя горестно причитая. Вчерашний старик всё-таки оказался болтуном, ведь Се Лянь просил его держать рот на замке, но сегодня, едва встав с постели, принц стал известен на всю деревню!

Местные, в сущности, даже не знали, которому божееству посвящён этот монастырь, но каждый непременно желал возжечь внутри благовония: ведь не важно, что за божеество, на Небесах кругом одни лишь божеества, какому ни поклонись, хуже точно не сделается. Се Лянь вначале предполагал, что никто так и не придёт в его монастырь, и за целый год ему не дожидаться и десяти прихожан, поэтому приготовил лишь маленькую связку благовоний. Кто же знал, что толпа разберет всё подчистую — курильница для благовоний оказалась сплошь утыкана зажжёнными палочками, а комната наполнилась ароматным дымком. Давно отвыкший от запаха благовоний, Се Лянь закашлялся, при этом отвечая на вопросы молящихся:

— Кхэ-кхэ, уважаемые односельчане, божеество не сможет пообещать вам несметные богатства, правда, кхэ, прошу вас, ни в коем случае не просите о деньгах! Последствия могут оказаться непредсказуемыми! Простите, но брак тоже не в его компетенции... Нет, нет и нет, рождением детей он также не ведаёт...

Сань Лан, не обращая внимания на кривую причёску, сидел у ящика для пожертвований и одной рукой подпирал подбородок, а другой неспешно закидывал в рот водяные каштаны. Многие деревенские девушки, завидев юношу, заливались краской поярче румяной зари и спрашивали у Се Ляня:

— А нет ли...

И хотя они даже не успевали сказать, что им нужно, Се Лянь немедля прерывал их речи:

— Нет!

Наконец, толпа еле-еле схлынула, только теперь стол для подношений оказался завален фруктами, дынями и овощами, даже рисом, лапшой и другими продуктами. Что ни говори, а всё-таки неплохое подношение. Се Лянь принялся выметать наружу мусор, оставшийся после прихожан. Сань Лан вместе с ним вышел из монастыря и произнёс:

— Неплохой улов.

Се Лянь, не отвлекаясь от подметания, заметил:

— В обычной ситуации ещё полмесяца никто даже не заглянул бы сюда.

— Разве?

Се Лянь глянул на него и с улыбкой сказал:

— Видимо, я просто зацепился за твою удачу, Сань Лан.

С этими словами он вспомнил, что собирался заменить занавеску на двери, поэтому достал из рукава новую и повесил в проёме. Отступив на пару шагов назад, чтобы её разглядеть, Се Лянь заметил, что Сань Лан остановился рядом. Принц повернулся к нему и спросил:

— Что-то не так?

Сань Лан, не отрываясь, смотрел на занавеску с задумчивым видом. Проследив за его взглядом, Се Лянь обнаружил, что юноша смотрит на заклęcia, изображённые на занавеске.

Талисман этот принц нарисовал на скорую руку, заклęcia на нём теснились в несколько слоёв друг на друге, распространяя довольно серьёзную защитную ауру. Талисман предназначался для отпугивания нечистых сил, мог предотвратить вторжение демонических тварей извне. Вполне возможно, что надписи также притягивали неудачи, поскольку были выполнены лично рукой Се Ляня, но пока это выяснить не представлялось возможным. И раз уж двери в монастыре не имелось, принц всё же решил нарисовать на занавеске талисман, для пущей сохранности.

Теперь же, увидев, как юноша неподвижно застыл прямо перед талисманом, Се Лянь ощутил, как дрогнуло сердце, и позвал:

— Сань Лан?

Неужели это талисман преграждал ему путь, не позволяя переступить порог монастыря?

<http://tl.rulate.ru/book/93015/3064409>